

ДОРОГА
К СЕБЕ

Карьера. - 1992. - №3. - с. 14.

Александр ШИРВИНДТ:

"КОГДА МНОГО РАБОТАЕШЬ, ОСТАЕТСЯ МЕНЬШЕ ВРЕМЕНИ ДЛЯ БЕССМЫСЛЕННОГО САМОКОПАНИЯ..."

На стабильность актерской популярности Александра Ширвиндта, кажется, совсем не влияет шаткость протекающей жизни. Фильм "Бабник", где он сыграл роль стареющего, но прыткого покорителя женских сердец, имел успех не меньший, чем американский боевик.

Дуэт Ширвиндта с Державиным - украшение любого концерта.

- Александр Анатольевич, в нашем разговоре с Михаилом Державиным ("Карьера" №22, 1991) на мой вопрос, могла ли его судьба сложиться так, что он не стал бы актером, он ответил отрицательно. А ваша судьба тоже была predetermined?

- В какой-то мере. Правда, в отличие от Державина, семья у меня была неактерская, но круг был близлежащий. Моя мама была редактором в филармонии. Папа был скрипачом. Меня тоже учили играть на скрипочке. Я прятался с ней, где угодно. Наконец, в пятом классе меня выгнали из музыкальной школы. Папе сказали: "Анатолий Густавович, при всем уважении к вам вашего сына мы больше терпеть не можем".

Мы росли вместе с Мишей Державиным, с дочками Журавлева. Наши семьи дружили. Дом Дмитрия Николаевича Журавлева был моим вторым домом. Помню, какие замечательные детские праздники нам устраивали там. Мы, нарядные, в бантах, собирались и разыгрывали миниатюры, шарады, танцевали. Польки нам играл молодой Рихтер. Вот такое было у меня детство. Куда же мне было идти после окончания школы, как не в театральный. Родители, правда, пытались воткнуть меня в юридический...

- А ваш сын пошел по вашим стопам?

- Когда я стал взрослым, то попытался оградить его от этой среды. Конечно, ничего не вышло. Мой сын тоже окончил Вахтанговское училище и работает сейчас в пятой студии МХАТа. Теперь я пытаюсь оградить внука...

- А в каком театре началась ваша артистическая карьера?

- После института я попал в Театр киноактера. Там была такая система: играли те актеры, которые в данный момент не были заняты на съемках. В каждом спектакле было 7-8 составов. Я играл шестого милиционера в восьмом составе, произносил что-то вроде: "Пройдемте"...

- Потом был Ленком?

- Да. В "Оптимистической трагедии" я для начала сыграл эпизодическую роль белого офицера, который домогается какой-то девочки.

- А как возник ваш дуэт с Державиным?

- Сейчас о нас, шестидесятниках, говорят - "потерянное поколение". Потерянное или непотерянное, но жили мы очень весело. Началась "оттепель", возникли сатирические команды. В Центральном доме работников искусств Полевой организовал "Крошку". Молодые Арканов и Горин писали тексты, а играли Тенин с Сухаревской и многие-многие другие замечательные актеры. Попаста на эти спектакли было невозможно. В Театре киноактера блистала "Синяя птичка", которой руководил Виктор Драгунский. Там можно было увидеть Моргунова, Глузского, Мордюкову. В Доме архитектора был создан "Кохинор и рейсшина", в Доме журналиста - "Верстка и правка". Я организовал "капустную" бригаду при Доме актера. В нее входили Михаил Державин, Андрей Миронов, Михаил Козаков, Никита Подгорный, Майя Менглет, Семен Соколовский. Мы соревновались с актерской бригадой ленинградцев, руководимой Александром Белинским. Помню, когда мы приехали в Ленинград, на Невском, перед Дворцом искусств, где мы выступали, стояла конная милиция. С той поры, где бы я ни выступал, ни одной лошади около себя я не видел.

Кончилась "оттепель", мы постарели, но любовь к пародии, к шутке сохранилась. Из капустников и родился наш с Державиным дуэт. Мы выступаем на эстраде вместе не так уж часто, но так как начали это делать давно, да к тому же по телевидению время от времени нас показывают, то создается впечатление, что мы только этим и занимаемся.

- Александр Анатольевич, вы уже более тридцати лет выходите на театральную сцену и преподаете в Щукинском училище. Какие, по вашему мнению, качества необходимы актеру?

- Без таланта и колоссальной трудоспособности, конечно, ничего не получится. Кроме этого, я всегда завидую людям, которые физиологически, независимо от

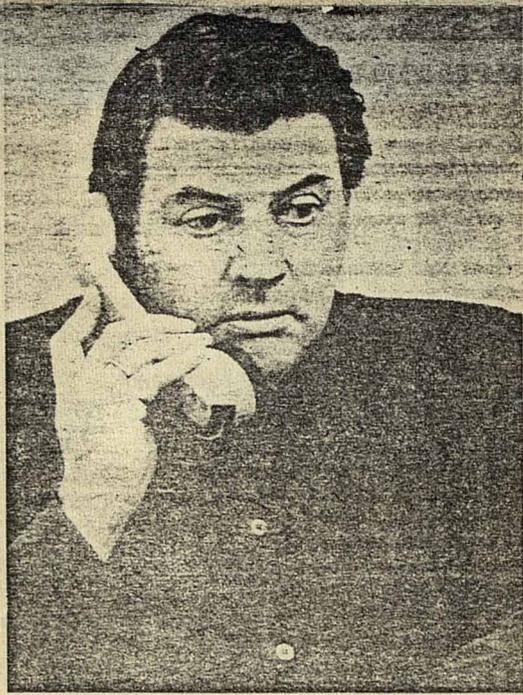

Фото Михаила ГУТЕРМАНА

возраста, положения, звания любят играть. Вспоминаю покойного Владимира Басова. Он был уже маститым режиссером и сценаристом, но все равно обожал играть, готов был сниматься даже в какой-нибудь ерунде.

- Когда вам задают банальный вопрос о любимой роли, что вы отвечаете?

- Есть масса красивых ответов на этот вопрос. Один из них - еще несыгранная. А на вопрос, в чем вы сейчас снимаетесь, можно ответить так: "Я сейчас снимаюсь в очень интересном фильме, но мы, актеры, - народ суеверный, поэтому не хочу об этом говорить".

- На самом-то деле у вас все-таки есть любимая роль?

- Я начал играть в 1956 году. Столько барахла переиграл за эти годы, что трудно вспомнить. Не все зависит от театра, многое - от состояния общества. Существовала такая система - каждый театр к красным дням календаря должен был сделать подарок партии и народу - выпустить спектакль. Это была мука мученическая. К дню Октябрьской революции, к дню рождения Ленина, к 1 Мая, к съезду партии мы делали "подарки". Как правило, эти спектакли шли недели две, потом навсегда исчезали. Из этого сонмища ролей трудно выбрать что-то.

Могу сказать, что эфросовский период был очень счастливым. Я сыграл много интересных ролей: Тригорина в "Чайке", Людовика в "Кабале святош", режиссера в "Снимается кино", в брехтовских пьесах "Что тот солдат, что этот", "Страх и отчаяние третьей империи". В Театре сатиры начало было интересное: Альмавива в "Фигаро", Молчалин в "Горе от ума". Какие-то пролески есть.

- А из невоплощенных ролей какую-то вы можете выделить?

- У меня была мечта сыграть Кречинского. Я считал, что могу это сделать. Как-то Леонид Хейфец репетировал в Малом театре Кречинского с Кенигсоном и говорил ему: "Играйте Ширвиндта, больше ничего не нужно". Я рассказал как-то эту историю по телевидению - и Плучек предложил мне сыграть эту роль у нас. Я поговорил с Козаковым, он загорелся. Сам сделал инсценировку. Начали репетировать. Потом Козаков уехал, а спектакль так и не вышел.

- А провальных ролей у вас не было?

- Очень много было мякины. Это хуже провала. Провал - все-таки событие. А так - вялое благополучие.

- А в каких фильмах мы вас увидим в ближайшее время?

- Я вместе с Державиным снялся у Аллы Суриковой в "Чокнутых". Три месяца снимался в советско-итальянской "Осаде Венеции" по пьесе Гольдони.

- Три месяца в Венеции - это, наверное, сказка?

- Венеция с гондолами и каналами была на задворках Мосфильма. Кроме всего прочего, играть надо было на английском языке.

- Недавно вы с Державиным были на гастролях в Израиле. Какой репертуар вы там показывали и как вас принимали?

- Принимали хорошо. Тамешним зрителям больше всего интересно то время, в которое они покинули страну. Это ностальгия. Поэтому мы на два часа сделали ретроспективу своей биографии в шутейном плане. Мы не ругали свою Родину, не говорили ни одного слова ни о продуктах, ни о перестройке, ни о Ельцине, ни о путче. Зрители были просто счастливы.

- Как вы относитесь к проблеме эмиграции?

- Нам, русскоязычным актерам, там делать нечего. Пока не выгнали, надо работать здесь.

- Александр Анатольевич, вас с нетерпением ждут в театре, на эстраде, в кино, на телевидении. Наверное, вы, как и Миронов, могли бы спеть "некогда, некогда, некогда мне"?

- На каждый день я составляю себе список необходимых дел. Он состоит из множества пунктов: творческая встреча, юбилей, репетиция, спектакль, интервью... Все время круговерть каких-то неотложных дел. Что-то обязательно не успеваешь. Бывает, вдруг неожиданно наступает затишье, и ты ощущаешь счастье. Проходит минут десять. Начинаешь судорожно поглядывать на часы. Через полчаса спохватываешься, что забыл что-то сделать, садишься за руль - и в путь. Видимо, нас уже не переделаешь.

Когда много работаешь, остается меньше времени для бессмысленного самокопания, оханья и аханья. Наш театр считается благополучным. По сравнению с другими столичными коллективами у нас почти нет интриг. Но это совсем не потому, что у нас ангелы летают. Просто у нас люди много работают. На интриги нет времени.

Беседу вела
Елена ВЛАДИМИРОВА